

Рена ЖУМАНОВА

ЗЕМЛЮ КРУТИТ ЧАСОВ КРУГОВЕРТЬ...

* * *

перегружать метафорами быт,
хрипато петь, когда всю знобит,
и шкандыбать в потемках на работу...
вот так за часом час, за годом год,
в делах житейских закопался крот,
и шансов маловато для полёта

но если оставляет суета
невидимого чёрного крота,
он вдруг, перо схватив, кому-то пишет,
и строчки, что ползут из-под пера,
кого-то обожгут, как жар костра, –
там, где морзянку кто-нибудь расслышит.

* * *

Не хочу уезжать, не хочу,
я в деревне навечно останусь,
меж соседских плачевных лачуг
накоплю потихоньку на старость.

Стану фермером, буду ИП,
разведу соболей на пушнину,
и на узенькой мерзлой тропе
связку хвороста вскину на спину.

Рядом в скважине бьётся вода,
сталактиты сосулеч на крыше.
Не заглянет начальство сюда,
позабудет и шеф наивысший.

Кошка, печка, старинный уют,
генератор гудит автономно.
А настанет ресурсам капут –
жирник в доме зажжем экономно.

Тёплых валенок мягкая шерсть,
никаких каблучков с сапогами,
Всяк сверчок знает собственный шест,
всяк блаженный отмечен богами.

Здесь на севере зимы как смерть:
кто в раю, кто в аду, по реестру.
Землю крутит часов круговёрть,
да играют метелей оркестры...

* * *

Тигриный год сверкает
жёлтым глазом,
чего-то ищет в хищной простоте,
рванул, как бомба,
вздорожавшим газом,
толкая люд к несбыточной мечте

о благодати вечной в Жер-Уюке,
там будут все привольны и равны,
там будут честными сердца
и руки,
а души – небывалой глубины.

И птичка божья с чистотой ребёнка
там в золотом руне гнездо совьёт,
там лев возляжет
с трепетным ягненком,
Асан Печальный весело споёт

фантазию беспечную в мажоре,
где авторы сценария не лгут,
где всем найдутся
домики на море,
и будет только самый высший суд.

Из романтизма –
принцип двоемирия,
нам не пристало грезить наяву.
Дай бог, не шибанула б
жизни гиря,
чтоб лодка удержалась на плаву.

Как суетно скребущиеся мыши,
зимы бесснежной серенькие дни.
Багряный месяц,
серпиком нависший,
январской стужи смутные огни...

* * *

Я завидую ей – молодой...

Б. Ахмадулина

Я знаю, это слабости клеймо –
упрёк судьбе бросать в лицо без грима,
когда пути-дороги вбок от Рима,
и выю гнёт совсем не то ярмо,
с каким в полях Элизиума пашут,
и за бесценок всучен старый плуг,
как знак бессилия. И линзу Левенгук
подсовывает поздно. Щи да каша
и крошки ростбифа фортуны от щедрот
перепадают. И кому-то пышки,
а шишки все тебе – ешь до отрыжки,
да не зевай, не то потонет бот
дырявый. Руль, ветрила, где вы?
Довольно аллегорий. Вот предмет
для ревности плебейской. С юных лет
ласкали Мойры признанную деву.
Москвичка, под рукой – Литинститут.
Не подписалась супротив отца «Живаго»,
была отчислена за это («бедолага!»),
но восстановлена. И чтима там и тут.
Союз писателей. Друзей-мужчин – без счёта,
мужья перчатками мелькают, а стихи –
изысканные тонкие духи,
хотя, по сути, для нее они – работа.
Несется резво, маслом смазан, колобок.
Сорокаградусная кое-что подправит,
прозаик злоязыкий в книжку вставит,
чернил нальют на глянцевый лубок.
А вот плоды бездушной корректуры
безглазого глухого сатаны:
равнины – в рытвины, распад большой страны
и сумерки богов литературы.
И песня лебединая – в больнице,
где с капельницей скорбный диалог,
вдох-выдох, взгляд финальный в потолок,
и простыня казенная бугрится.
Прости с небес недобрую меня,
твой говор нежный я вплетаю в струны
своей гитары. Наши предки – гунны,
и, стало быть, мы всё-таки родня.
Седьмой водой, троюродным плетнём
к следам твоим припасть – благая участь,
а зависть – смертный грех, мышленья узость
и едкой желчи мертвый водоём.
Да будет в горних низок мой поклон
той, что с обложки тихо улыбалась,
чей голос перепеть я зря пыталась,
на чей бесстрашно покушалась трон.

* * *

Мне бы понять, что сегодня вокруг происходит.
Пастырь, приди, растолкуй, дай готовый ответ.
Призрак из пепла восстал и опять колобродит,
только серебряных пуль на него в мире нет.

Он многолик, многорук, как танцующий Шива,
щупальца в чутких присосках, и злоба в глазах.
Где-то он лоб расшибает в молитвах фальшивых,
где-то сжигает свободное слово в кострах.

Ярко горит инквизиции факел чадящий.
Тот, кто не с ними, тот против, и, значит, ату!
Конные скачут с собаками в сумрачной чаще,
травля азартна, фанатики в жарком поту.

Форрест, беги без оглядки стремительной ланью!
Видишь мельканье болотных в ночи огоньков?
То мракобесие машет карающей дланью,
мечет лассо исступленно звенящих оков...

* * *

Общество современное – как нездоровые ногти –
слоится и распадается всё сильнее.
Скоро среди писателей (ахти-охти)
будут лишь те, кто свободен от трудодней.

Вот, например, такой себе новый Тургенев,
по заграницам, про вешние воды и дым,
или Толстой, граф с косой, косовороточный гений,
или Жорж Санд по курортам с любовником очередным.

Через лорнет, прищурившись близоруко:
что там они лопочут, простые, как сто тенге?
Неравноправие социальное – старая-старая штука,
важные баре не пишут о мелюзге.

Или напишут, ну ладно, натялят рубище,
ноги в китайские тапки засунув, ноздри зажав,
раз окунутся во всенародное гульбище,
поговорят с работягой, вернувшись из-за рубежа.

Белые воротнички, галстуки и манжеты,
устрицы, ананасы, с икорочкой бутерброд.
Снобы, снобихи, глядящие сверху эстеты,
и – копошащийся где-то внизу НАРОД...

